

ПЕРСОНА

Сергей Шаповал

Это интервью бралось в два приема. Первая встреча закончилась 13 июня в начале шестого вечера, практически в тот момент, когда был арестован Владимир Гусинский. Без обсуждения последующих событий интервью было бы неполным. Пришлось дождаться развязки этой истории и задать ряд вопросов, связанных с задержанием руководителя «Медиа-МОСТА».

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, за последние десять лет телевидение претерпело разные эволюции. Одна из них: в начале 90-х на всех каналах говорили, что самое главное — это подача информации, в которой зритель разберется сам, сейчас каналы стали говорить о своих интересах. Как бы вы могли сформулировать сегодняшние интересы НТВ?

НТВ — это частная коммерческая компания, которая должна зарабатывать деньги, бороться за высокий рейтинг и за часть рекламного рынка. Мы это делаем успешно. С другой стороны, НТВ возникла как компания, исповедовавшая веру в независимую от государства телевизионную журналистику, веру в то, что государственное телевидение и независимая журналистика — вещи несовместимые. Я продолжал в это верить. Мы стремились проводить независимую от государства (под государством я имею в виду чиновничий аппарат) редакционную линию. Мысль не новая, но я не могу ее обойти: мы должны быть зеркалом, в которое власть всегда может посмотреть и понять, как она выглядит со стороны. Если бы власть была умной и сильной, она не боялась бы такого зеркала. При этом я не хочу сказать, что мы — НТВ — без идеологии, без своего понимания интересов страны и государства. Сегодня стало модно быть государственным, радетель за его интересы. Но тут важно определиться, что мы имеем в виду под понятием «государство» — страну или армию чиновников и бюрократов? Что такое национальные интересы? Кем они сформулированы? Когда говорят о «диктатуре закона» (по-моему, это сочетание взаимоисключающих слов), непонятно бы начинать с диктатуры Основного закона. А в нашей Конституции написано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Это вторая статья первой главы Конституции. С нашей точки зрения, государственный интерес заключается в том, чтобы неукоснительно выполнялась эта основополагающая статья Конституции.

— А интересы хозяина? Вы хотите сказать, что можете маневрировать интересами олигарха, стоящего за вами?

— К сожалению, принято выстраивать простенькие схемы-страшилки типа: есть олигарх с рогами, который дергает за ниточки, приводя в движение все механизмы. На самом деле все по-другому. Во-первых, проблема определения. Олигархи — это руководители больших, тесно связанных с государственной властью компаний, которые имеют много денег и много влияния в правительстве, в Кремле, Думе, Совете Федерации. Это, например, Чубайс или Вихарев. Называть Гусинского олигархом — большое лукавство. У него всегда весьма сложно складывались отношения с властью, это относится и к власти сегодняшней, и к власти ушедшей, он часто занимал совсем не ту позицию, которая была приемлема для людей во власти. Главное устремление Гусинского — дистанцироваться от власти. Мы у государства ничего не просим, кроме того, чтобы нас не трогали и чтобы были обеспечены равные условия на телевизионном рынке. Вот и все.

Во-вторых, проблема отношений с хозяином. В свое время многие наши крупные предприниматели вкладывали деньги в средства массовой информации, имели свою газету, радиостанцию или телекомпанию. С нашей точки зрения, таким же модным, как, скажем, одежда от Гуси или шестисотый «Мерседес». Вложения эти большинством предпринимателей рассматривались, с одной стороны, как престижные и заведомо не окупаемые, с другой — как направленные на приобретение влияния на общественное мнение, а проще говоря, как инструмент косвенной политической и коммерческой рекламы. Именно поэтому большинство таких начинаний закончилось ничем. Создавая НТВ, Гусинский исходил из фундаментальной вещи: телевизионная информация должна быть качественной, только тогда она будет продаваться. Потребитель не будет покупать товар, если он с гипнотизацией, людям не нужны необъективные новости. Гусинский первый понял, что наш зритель достаточно умен для того, чтобы отличить качественные новости от порченных. Поэтому у него в отличие от других все получилось.

— К вопросу об объективности. Вас можно упрекнуть в том, что, бера интервью, вы с идеологически близким вам человеком беседуете гораздо более мягко, чем с идеологическим противником, по отношению к которому вы обычно резки, если не ехидны?

— Есть грех с ним бороться, но получается не всегда. Все мы люди.

— После ухода с НТВ Олега Добродеева за ним на РТР перешли ряд журналистов, стали говорить об оттоке людей с НТВ, о проблемах, возникших у вас в связи с этим.

— Сразу оговорюсь: отток — слово сильное, ушло всего несколько человек. Причем всем, кто ушел, были сделаны предложения, от которых, как сказано в известном фильме, практически невозможно было отказаться. Некоторым предложили вести программу, для телевизионного журналиста это означает очень большой карьерный скачок, бо-

лее того, для многих журналистов роль ведущего — настоящая светлая мечта. Это, кстати, довольно большая опасность, подстерегающая журналиста на его творческом пути, потому что мало кто из хороших корреспондентов превращается в яркого ведущего. Вот смотрите: Татьяна Миткова — в прошлом редактор, Михаил Осокин много лет был комментатором на иновещании, телевизионным корреспондентом он проработал очень мало. Я хочу сказать, что их успех как телеведущих не связан с личными корреспондентской работой. Безусловно, есть исключения, но тенденция, по-моему, очевидна.

— Но я хочу к вашему вопросу. Когда Добродеев ушел с НТВ, он пообещал, что не будет никого переманивать, добавив при этом: «НТВ — любимый ребенок, как я могу его обидеть». Потом, уже став председателем ВГТРК, в интервью «Комсомольской правде» на вопрос: «Собираетесь ли вы перетянуть кого-то с НТВ?» он ответил: «Я категорически не хочу этого делать. Я не отношусь к категории начальников, которые, закрывая за собой дверь, оставляют развалины». Оказалось, что все эти красивые слова ложь. Причем выяснилось это очень быстро. Не успел бывший руководитель НТВ стать начальником на РТР, как люди стали перетягивать. Причем — я говорю это ответственно — он занимается этим лично. У меня возник вопрос: в какой мере он испытывает чувство ответственности за судьбы людей, которых он приручает? Ведь можно пообещать кому-то, что он будет вести программу, а что будет с человеком, если у него это не получится? Когда еще неопытившемуся человеку делают предложение, от которого у него кружится голова, в этом есть что-то от совращения несовершеннолетних. Дай бог, чтобы у перешедших с НТВ все получилось, но меня не покидает ощущение, что отношение к этим людям как к мелкой разменной монете в совсем другой игре.

Общероссийские рейтинги показывают, что с февраля 1999 года наши вечерние новостные программы уверенно лидируют по сравнению с «Вестями», было два или три случая, когда их рейтинг был выше. «Итоги» по рейтингу ни разу не уступили «Зеркалу» ни по Москве, ни по России в целом. Понятно, что от любого руководителя, как бы независим он ни был, всегда требуют результаты. Результаты нет. У меня ощущение, что, когда невозможно отчитаться цифрами рейтингов, становится возможным отчет фамилиями людей, которых вы перетянули за собой.

— Кстати, о ваших управленческих принципах. Если вдруг у кого-то из ушедших РТР и он вернется к вам, вы возьмете его обратно?

— Я не готов сейчас ответить. Дело в том, что мне надо считаться еще и с мнением коллектива. НТВ всегда было сильно тем, что у нас дружный, сплоченный коллектив, каждый готов подставить другому плечо, у нас никогда не было драк и ссор. Это работа как образ жизни. Для меня чрезвычайно важно, чтобы такая обстановка сохранялась. Если вдруг возникнет вопрос о возвращении кого-нибудь из ушедших на РТР, я буду принимать решение, предварительно посоветовавшись с коллективом. Хотя, честно говоря, я с трудом представляю ситуацию возвращения кого-либо из ушедших.

Олег Борисович любит порассуждать о благородном поведении в кризисных ситуациях. Мы его могли наблюдать и в ситуации, связанной с «Медиа-МОС-Том», и в ситуации предвыборной. Я был в глубоком шоке, когда накануне президентских выборов в восьмисотых «Вестях» увидел репортаж о мероприятии «Клуба голубых сердец» под девизом «Гомосексуалисты в поддержку Григория Явлинского». Это была очевидная, не очень хорошо поставленная пиаровская акция. Я помню, как четыре года назад один известный политтехнолог стучался в разные двери с предложением: давайте организуем акцию поддержки Зюганова геями и лесбиянками, мы ему подсечем рейтинг! Тогда все от такой идеи отмахнулись с безразличием. Видимо, нравы изменились настолько, что теперь такая идея прошла на ура на первом и втором каналах. Но если на первом канале к тому времени что-то только ни показывали, то появление этого сюжета на РТР вызвало шок. Потом уже было много сомнительных эпизодов. А вот когда кто-то из ведущих на РТР митинг журналистов в защиту свободы слова и НТВ на Пушкинской площади назвал «митингом в защиту Филиппа Бобкова» — это просто подлость и негодяйство!

— Вы упомянули об изменении нравов в тележурналистике, а с чем вы связываете это явление?

— Никита Михалков не раз цитировал слова Грибоедова о декабристах: «Колеса угов, ни в чем не тверды». Не все умы тверды, не все имеют нравственный стержень. Кто-то нарабатывает себе имя, стал узнаваем, от этого, как при этом говорить, крыша едет очень сильно. Не все выдерживают, что тебя начинают узнавать на улице, просить автограф, пропускать без очереди, пропускать на словах: «Проходи, ты же человек занятый». Было очень нелегко. Это действительно испытание на прочность. Легко уверовать в собственную непогрешимость, когда о тебе начинают писать в предвостных степенях в газетах. Поможите это на огромные деньги — не которыми платят, причем наличными, просто гигантские суммы...

Может быть, я не совсем на ваш вопрос отвечаю, но хочется паразитизма. По-разному складывались судьбы людей в доперестроечные годы, отсюда разное отношение к государству, власти. Кому-то приходилось пробиваться с самого низа, не пользуясь ничьей поддержкой, а кто-то был обласкан. Многие нынешние руководители средств массовой информации, известные журналисты, политологи родом из вполне благополучных семей советского элиты, которым обижаться на власть было грешно, от нее они получали должности, ордена, почет. Кому-то власть была матерью, а кому-то —

мачехой. Я не хочу сказать, что все полученное ими было незаслуженно, но где-то здесь проходил один из важных водоразделов. Присмотритесь в рядах нынешних негосударственников очень много людей, чьи отцы и деды обслуживали советскую власть. Многие из таких людей вступили на карьерный путь в 70–80-е годы, они служили той власти. Для таких людей характерен известный подход: с одной стороны, снобистский презрительно-высокий взгляд на партбюрократию, а с другой — стремление быть к ней поближе, заискивание перед ней. Я могу судить по себе. Мне пришлось пробиваться самому, мои родители были скромные люди, к избранной мною профессии они не имели никакого отношения, в гуманитарном мире я рос и формировался сам по себе. Я не могу проступить через какие-то вещи, меня тошнило от насквозь лживой партийно-комсомольской лжи, которая со мной проводила работу в любом месте. У меня с момента окончания школы возникло чувство протеста. Почему я должен поступать в институт, имея характерную, упрямую в райком комсомолом? Почему на особом счету оказываются студенты, которые, отслужив в армии или поработав на производстве, вступили в партию, хотя учились они далеко не лучше остальных? Почему комсомольским активистам доставались лучшие места при распределении? Никакой любви, мягко говоря, я к власти не испытывал.

— Я понимаю и разделяю вашу нелюбовь к советской власти, но всем комсомолом, КГБ, партобам и пр. Но сейчас вы работаете в одной организации с Филиппом Бобковым, это не входит в противоречие с вашими взглядами?

ИМ ОВЛАДЕЛО БЕСПОКОЙСТВО...

Евгений Киселев обличает Олега Добродеева, объясняет Владимира Гусинского и оправдывает Филиппа Бобкова

Глава НТВ Евгений Киселев в своем рабочем кабинете. Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

— Сразу хочу сказать, что Филипп Денисович Бобков не имел никакого отношения к службе безопасности «Медиа-МОСТА», он занимался совсем другими делами. Говорю в прошедшем времени, потому что Филипп Денисович в последнее время болеет и на работе бывает редко. Я с ним не особенно близко знаком, но я не отказываю в праве бывшему первому зампреду КГБ поменять свои взгляды, начать работать в организации, которая исповедует совершенно иные ценности, нежели те, которым он много лет служил. Многие свои прежние взгляды он сохранил, но я тем не менее отношусь к нему с уважением. Меня как-то удивил Олег Табаков, когда он в программе «Герой дня» рассказал, как в советские времена возник его замечательный театр-студия. В числе людей, которые его поддерживали в те непростые времена, он назвал Бобкова. И Табаков не единственный, кому он помогал. Вообще Филипп Денисович на посту руководителя страшного Пятого управления КГБ играл очень неоднозначную роль.

— Спора нет, но я же создавал и разрабатывал, например, дела Бродского и Солженицына, к которым вы относитесь с очевидным пренебрежением...

— Я сам три года проработал в КГБ, проваля, в качестве высокопоставленного преподавателя. Я уже говорил, что были правила игры, их нужно было придерживаться. Пойти в КГБ меня заставила нужда. Я никогда не был лиссином, у меня были недовольство и критические мысли, которые я держал при себе. Я прошел и через веру в социализм с человеческим лицом, мое нынешнее отношение к России, к ее истории возникло не сразу.

— Очевидно, что вы человек темпераментный, вы, как мне кажется, из тех, кто в определенных случаях перестает другому подавать руку. Что может к этому привести?

— Вы правы, но я не знаю, хорошее ли это качество. Ведь и в политике, и в бизнесе нет ни врагов, ни друзей, нет ни вечных союзников, ни вечных противников, есть лишь постоянные интересы. Если у вас есть противник, то ваш выбор в конечном итоге прост: нужно или найти с ним общий язык, или полностью его победить, чтобы он перестал существовать как противостоящая нам сила. Наше приключение договорилось. Человеку с моим складом характера, с моими внутренними принципами с этим мириться трудно, не приходится. А если говорить о качестве, которое я не могу простить, то это подлость. Я готов простить не красивые поступки по слабости и из-за страха за собственное будущее. Людям, которые ушли с НТВ, совершенно запудрили мозги страшными рассказами о том, что компания прикажет долго жить если не завтра, то послезавтра точно. И все под девизом «Подумайте о ваших детях!» Люди, которые стараются покорять «нечетвердые души», совершают подлость, ушедшие поддали слабости. Повторю, слабость я простить готов, подлость — нет.

— Я недавно вернулся к теме, о которой мы уже говорили, но здесь есть еще один принципиальный момент. Если бы наша компания не находилась под жестким прессингом со стороны власти, которая хочет, чтобы мы оказались у нее в услужении, если бы была ситуация нормально функционирующего свободного рынка и Добродееву предложили бы возглавить ВГТРК, не было

ни, случались ситуации, когда меня, что называется, ломали через колено, впрочем, практически всем приходилось сталкиваться с гневной реакцией так называемых инстанций. Проблема многих молодых ребят состоит как раз в том, что слишком быстро прошли тот путь, который раньше проходили раз в четыре дольше. Из-за этого у многих тележурналистов, если можно так выразиться, нравственное несварение. Вот вам одно из объяснений, почему на телевидении появились так много грязи. Оговорюсь: все сказанное к журналистам НТВ не относится...

— Я категорически не согласен с утверждением, что молодые журналисты ничем не обязаны. Например, мы на НТВ стали доверять молодым журналистам очень сложные задачи, посылать их в суперсложные командировки, которые были возможны только благодаря тому, что в информационную службу вкладывались огромные деньги. К тому же, если у кого-то возникали бытовые проблемы, мы их решали без разговоров. Так что вопрос взаимных обязательств журналистов и корпорации нужно рассматривать с открытыми глазами, а не создавать выгодные схемы...

II

— Какой была ваша первая реакция, когда вам сообщили, что Гусинский арестован?

— Самая первая: этого не может быть! Потом я позвонил охране Гусинского, она подтвердила, что Владимир Александрович задержан.

— У вас не появилось предчувствия краха?

— Нет, я прекрасно понимал, что это неуклюжая политическая акция, и

МОСТ», но, насколько я понимаю, речь шла о психологическом и экономическом прессинге. Знаете, есть политическая борьба и есть беспредел.

— Но почему так топорно все было сработано? Сильные акции провели, но совершенно в отличие от вас не были готовы к информационной атаке.

— Таков интеллектуальный уровень противостоящей нам силы. «Медиа-МОСТ» не первый год имеет сложные отношения с властью, но мы эту власть все время переоцениваем. Мы думаем, что играем с нею в шахматы, а она с нами играет не то в домино, не то в покер. Мне корреспонденты рассказывали, что, прежде чем Путин в Испании объявил о невозможности связаться с генеральным прокурором, прошло двадцатиминутное совещание. Ничего умнее они придумать не смогли!

Когда я увидел — извините, другого слова не найду — образцы, которые сабильно шутили про интеллигентных сокамерников Гусинского, у меня не возникло ничего, кроме отвращения. Власть открыто творит беспредел и еще по этому поводу позволяет себе ерничать. Думаю, у нормальных, не лишенных нравственного чувства людей не могло не возникнуть омерзения. Это была попытка провокации, но устроители настолько бездарны, что нормально ее провести оказались неспособны.

— Ваши взаимоотношения с властью трактуются по-разному. Вы считаете, что давление на вас означает покушение на свободу слова, есть точка зрения, что власть борется с оппозиционной силой, в которую «Медиа-МОСТ» с какого-то момента превратился.

— Я уже охрип, говоря, что мы не оппозиция! Мы — «будка гласности», пожалуйста все, кто хочет! Не моя проблема, что в нее не хочет прийти Путин или Касьянов, мы всегда будем рады их видеть. О нас говорят: «У них выступают только носители оппозиционной точки зрения». Могут на это ответить только одно: мы — трибуна, в которой в том числе и оппозиция может говорить с народом. Так что не надо путать божий дар с яичницей! И потом, даже если правы те, кто говорит, что мы оппозиция, разве это методы борьбы с оппозицией? Так что любая логика не может оправдать действия власти против нас. Суть именно в этом!

— Вас, кроме прочего, упрекают еще и в том, что НТВ с момента ареста Гусинского мгновенно стало мощным пропагандистским средством, новости отошли по меньшей мере на второй план.

— Да, я вместе со вверенной мне командией добивался освобождения Гусинского. А вы бы хотели, чтобы мы сидели сложа руки? В тюрьме ни за что ни про что оказался мой друг, мой партнер, человек, которому я многим обязан. Вот и проблема! Могли ли мы оставить в стороне профессию, не профессионально. Все, что мы говорили об аресте Гусинского, относится к разряду чистых новостей плюс разные мнения. Мы показали реальную картину общественной реакции на случившееся!

— Вы не видите перебор в вашей кампании?

— Возможно, были допущены ошибки, в чем-то мы перегнули палку, но нам нужен был конечный результат. Когда тебе противостоят власть, которая готова попортить закон ради достижения симулированных целей, тут не так просто во всех ситуациях сохранять хладнокровие.

— Вы допускали, что Гусинского оставят в тюрьме?

— Мы просчитывали любые варианты. Власть по всей видимости, рассчитывала на то, что после ареста Гусинского наш холдинг развалится. Возник вопрос: почему решили ударить по самому сильному, самому защищенному человеку, человеку, обладающему колоссальными связями во всем мире, лично знакомому с президентами разных стран, начиная с Клинтона и заканчивая Квасневским и т.д.? Потому что он — лидер, вожак, в бою именно вожака первого берут на мушку.

— Еще об одном аспекте этих событий — антисемитизме. Существует мнение, что сложившаяся ситуация в неадекватной степени способствовала полному антисемитизму. Взяв хотя бы заявление вице-президента Российского еврейского конгресса Осовова, в котором он арест Гусинского трактует как акт наступления на российскую еврейскую общину.

— Я бы не стал преуменьшать угрозы антисемитизма в России. Безусловно, деятельность Гусинского как главы Российского еврейского конгресса, вообще его еврейство у некоторых высокопоставленных чиновников вызывало большое раздражение. Смею вас уверить, антисемитские настроения в недрах спецслужб очень сильны. Я считаю, что от заявления Осовова антисемитизм больше не станет. Страшная позиция в этом деле опасна.

— Это понятно, но под факт ареста Гусинского можно подверстать все что угодно, но не антисемитизм. Вы не согласны?

— Не согласен. Я слышал, как один высокопоставленный кремлевский чиновник сказал: пусть Гусинский не думает, что ему поможет его израильское гражданство!

— Вы расцениваете это как антисемитское высказывание? Гражданство могло бы быть американским.

— Как говорил один мой знакомый, в этом деле важна интонация. Интонация сомнений не оставляет. Хочу подчеркнуть: сейчас к власти пришла целая когорта офицеров спецслужб, для этих людей любой человек со вторым израильским гражданством — потенциальный изменник Родины. Они этого вам не скажут, но я эту среду хорошо знаю, я там работал три года.

— Каким образом случившееся сказало на ваших рейтингах?

— Рейтинги существенно повысились. По Москве мы достигли рекордного в этом году уровня: 26% — среднестатистический рейтинг, в прайм-тайм — 30%. Это очень большая цифра, если учесть, что летом рейтинг довольно сильно проседал.

— Как вы это факт трактуете?

— Любой кризис вызывает повышенный интерес к новостям, сразу происходит скачок рейтингов информационных и информационно-аналитических программ, этот скачок влечет за собой повышение рейтинга канала в целом, после новостей значительная часть зрителей остается на канале. Но нам повышение рейтинга такой ценой не нужно! Мы боролись не за рейтинг, мы боролись, чтобы нашего товарища выпустили из тюрьмы! Уже появились версии, что Гусинский специально сел в тюрьму, чтобы выглядеть героем, поднять свой авторитет и авторитет НТВ. Это уровень теорий всемирного заговора.

— Еще раз хочу вернуться к персоне Добродеева. Как вы оцениваете его поведение в этой ситуации?

— Я был шокирован тем, что он в день ареста Гусинского отказался прокомментировать это событие. Дважды ему звонил корреспондент Радио «Свобода», и дважды он говорил, что пока не готов высказаться, что должен получить всю информацию и обдумать ситуацию. Все понимаю, но этого почитать не могу. Потом какие-то слова были сказаны в интервью «Известиям», но для меня это уже не важно. Важно, что в день ареста было молчание. Не просто молчание. Отказ. Даже если учесть все сложности его отношений с Гусинским. Я ведь отлично знаю, как много Гусинский слезал и для профессии, в которой Олег работал, и лично для него.

— Ваши отношения теперь можно считать окончательно определившимися?

— Без комментариев.

— Ваш прогноз на ближайшее будущее?

— Нам предстоит долгий и трудный период непростых отношений с исполнительной властью, которая сейчас активно занята строительством жесткой вертикали, которая играет в идею управляемой демократии, которая хочет создать новую модель отношений со средствами массовой информации. Если говорить в общем, то власть хочет нас вернуть в период 1987–1988 гг., когда Сталина уже можно было ругать, а Ленина еще нельзя. Сейчас можно создать такую же схему: скажем, премьера ругать можно, а президента — нельзя. Могу сказать следующее: мы во всеоружии, мы готовы морально, экономически, технологически к длительному периоду трудных отношений с властью, которая все время будет пытаться на нас давить, заставить нас говорить про нас, как про покойника либо хорошо, либо плохо. Мы будем этому противостоять...

Из досье «НГ»

Евгений Киселев родился в 1956 г. в Москве. В 1979 г. окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ по специальности «историк-востоковед». После окончания института в 1979–1981 гг. служил переводчиком в Органном контингенте советских войск в Афганистане. После окончания службы в 1982 по 1986 г. работал преподавателем персидского языка в Краснознаменном институте имени Ю.В. Андропова Высшей школы КГБ СССР. С 1986 по 1987 г. — в Центральном радиовещании на зарубежных странах.

С 1987 г. — на Центральном телевидении Гостелерадио СССР. Был редактором дежурной смены в международном отделе информационной программы «Время», ведущим программы «90 минут», затем «Утро». Как специальный корреспондент готовил материалы для программ ЦТ «Семь дней» Эдуарда Сагалаева и Александра Тихомирова и «До и после полудня» Владимира Молчанова.

С 1990 по 1991 г. работал выпускающим редактором и ведущим информационной программы «ТСН». После введения цензуры на 1-м канале Гостелерадио СССР вместе с рядом журналистов перешел на Российское телевидение. С 1990 по 1991 г. работал на ВГТРК. Был одним из создателей и ведущих информационных программ Российского ТВ «Вести».

В январе 1992 г. создан вместе с Олегом Добродеевым, ставшим

главным редактором ИТА РГТРК «Останкино», информационно-аналитическую программу «Итоги». РГТРК «Останкино». После ряда конфликтов с руководителями РГТРК «Останкино» вместе с Олегом Добродеевым и Игорем Машаковым вел переговоры с Сергеем Зверевым и Владимиром Гусинским (Группа компаний «НТВ»). В июне 1993 г. перешел вместе со своей съемочной группой в коммерческую телекомпанию «НТВ». С 1 октября 1993 г. ведет выпуск программы «Итоги» коммерческой телекомпания «НТВ». С 1993 г. — вице-президент ТОО «Компания «НТВ».

В январе 1997 г. стал одним из учредителей и акционером ЗАО «Медиа-МОСТ». Член совета директоров «Медиа-МОСТА». Член совета партнеров телекомпания «НТВ». Акционер «НТВ». В декабре 1997 г., после реорганизации работы ЗАО «Медиа-МОСТ», был назначен председателем совета директоров телекомпания «НТВ» (посты вице-президентов были упразднены).

С сентября 1994 г. — академик Академии российского телевидения (АРТ), созданной на базе Российского фонда развития телевидения. Лауреат премии Союза журналистов Москвы 1993 г. 15 мая 1996 г. программа «Итоги» была удостоена телевизионной премии «Эффи» как лучшая авторская программа. По опросам «Независимой газеты», с 1994 г. входит в число ста самых влиятельных политиков России.